

Наталья Рачевская

ВРЕМЕНИ ВОПРОКИ,

или

Князь для исторички

18+

Наталья Рачевская

**Времени вопреки, или
Князь для исторички**

«Автор»

2026

Рачевская Н.

Времени вопреки, или Князь для исторички / Н. Рачевская —
«Автор», 2026

Наталья Александровна знает о древности всё — или ей так казалось, пока на её балконе не появился мужчина в византийском доспехе, говорящий на древнеармянском диалекте и требующий вернуть его к законному престолу. Князь Васак, преданный своими воинами в IV веке, очнулся в чуждом, ревущем машинами XXI веке. Для него она — странная женщина в неподобающей одежде, которая почему-то знает историю его рода лучше его самого. Для неё он — ходячая историческая сенсация, сумасшедший или мужчина, ради которого можно переписать собственную судьбу. Сможет ли историк научить древнего воина жить по законам современного мира, пока прошлое не настигло их обоих?

Содержание

Глава 1. День сурка со змеями	5
Глава 2. Гроза над панельками	8
Глава 3. Медведь в доспехах	11
Глава 4. Трудности перевода	14
Глава 5. Синдром выжившего	17
Глава 6. Проверка на подлинность	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Рачевская

Времени вопреки, или Князь для исторички

Глава 1. День сурка со змеями

К концу седьмого урока у Натальи Александровны физически болели зубы. Источником этой боли был не кариес, а монотонный, шуршащий гул тридцати подростковых организмов, уставших от школы гораздо сильнее, чем от Ливонской войны.

— Таким образом, согласно Ям-Запольскому перемирию 1582 года, Россия отказывалась от Ливонии и южного побережья Финского залива, — Наталья повернулась к доске, чувствуя, как мел оставляет на пальцах сухую, вьедливую пыль. — Запишите дату. Девятый «Б», я жду тишины. Скоробогатов, телефон на стол.

Девятый «Б» отреагировал ленивым вздохом. Скоробогатов, не глядя на учительницу, сунул гаджет под тетрадь. Ему было шестнадцать, у него пробивались первые усы, и Псковская оборона интересовала его примерно так же, как миграция пингвинов в Антарктиде.

Наталья Александровна взглянула на настенные часы. До звонка оставалось четыре минуты. Четыре минуты до момента, когда можно будет сесть, выключить из розетки этот бесконечный, давящий шум и просто помолчать. Ей было сорок три года. Из них двадцать один она провела в этих стенах, пахнущих хлоркой, школьной столовой и дешевым парфюмом старшекласниц. Когда-то давно, в прошлой жизни, которую она помнила смутно, до развода, случившегося пятнадцать лет назад, ей казалось, что история — это живой, дышащий океан. Теперь этот океан высох, оставив после себя лишь голые даты, параграфы и бесконечные отчеты для завуча.

Звонок прозвенел так пронзительно, что Наталья невольно вздрогнула.

— Параграф двадцать четвертый, вопросы после текста — устно. Свободны, — выдохнула она, падая на стул.

Класс испарился за секунды. Остался только хаос из сдвинутых парт, оберток от чипсов и тяжелый, спертый воздух. Наталья закрыла глаза, прижимая ладони к вискам. В голове настойчиво стучала мысль: «Зачем я здесь? Что я здесь делаю?» Это было оно — классическое, хрестоматийное выгорание, о котором так любили писать в психологических пабликах. Когда внутри не остается ничего, кроме серого пепла, а каждый рабочий день кажется каторгой.

— Наталья Александровна, вы еще здесь? — в дверях кабинета выросла монументальная фигура Аллы Сергеевны, завуча по воспитательной работе.

Наталья мысленно застонала, но лицо удержала нейтральным.

— Да, Алла Сергеевна. Проверяю журналы.

— Журналы подождут, — завуч вошла, шурша тяжелой юбкой, и опустила на первую парту стопку бумаг. — Тут новые формы отчета по патриотическому воспитанию за прошлый квартал. Сдать нужно было вчера, но министерство спустило новые бланки. Переделайте до завтрашнего утра. И по поводу Скоробогатова — его мать опять жаловалась, что вы предвзято к нему относитесь. Помягче с ним, Наташенька, у мальчика сложный период, пубертат.

«У меня пубертат уже тридцать лет как закончился, а сложный период никак не пройдет», — подумала Наталья, но вслух сказала лишь:

— Хорошо, Алла Сергеевна. Я посмотрю.

Когда завуч ушла, Наталья медленно собрала вещи. В её кожаную сумку отправились две стопки тетрадей — тридцать пять штук, каждая из которых сулила ей вечер, полный грам-

матических и исторических катастроф. Она оправила строгий, темно-серый блейзер, который уже давно стал её защитной броней, провела рукой по гладко зачесанным в пучок волосам и вышла в коридор.

На улице её встретил сырой, промозглый октябрьский вечер. Город тонул в серых сумерках, фары машин размывались в лужах, а прохожие казались безликими теньями под куполами зонтов. Наталья шла к метро, втянув голову в плечи. Ей казалось, что эта серость просочилась ей под кожу, заполнила вены вместо крови. Дома никто не ждал. Пятнадцать лет одиночества после короткого, глупого брака научили её ценить тишину, но сегодня эта тишина пугала своей абсолютностью.

Её единственная отдушина ждала за дверью двухкомнатной квартиры на четвертом этаже типовой панельки.

Наталья повернула ключ в замке, шагнула в полумрак прихожей и заперла дверь на два оборота. Щелчок замка — и весь этот безумный, требующий отчетов и показателей мир остался снаружи. Здесь пахло иначе. Сухим деревом, кокосовым субстратом и едва уловимым, специфическим ароматом, который обыватели назвали бы «зоопарком», но для Натальи это был запах абсолютного покоя.

Она не стала включать верхний свет, зажгла только напольный торшер в гостиной. В углу комнаты ровным, мягким светом светились три больших стеклянных террариума.

Наталья подошла к самому большому. За стеклом, среди искусственных ветвей и округлых камней, свернувшись идеальными кольцами, спал Цезарь. Императорский удав, её гордость и её главное успокоение. Крупный, почти двухметровый самец с великолепным ковровым рисунком на чешуе — шоколадные ромбы на кремовом фоне, переходящие в кирпично-красный хвост.

— Ну привет, мой хороший, — тихо, совсем другим голосом сказала Наталья, открывая раздвижное стекло.

Змея не сделала ни одного резкого движения. Животные чувствуют выгорание и усталость хозяев лучше людей. Цезарь медленно, грациозно развернул кольца. Его массивная, копьевидная голова приподнялась, темный раздвоенный язык плавно скользнул в воздухе, улавливая запахи.

Наталья уверенно, без капли страха, протянула руку. Она знала каждый сантиметр этого тела. Змеи были предсказуемы. Они не лгали, не требовали отчетов, не жаловались завучу и не уходили к другим женщинам, забрав половину имущества. Они жили по простым, честным законам природы.

Удав медленно перетек на её руки. Его тело было прохладным, плотным, состоящим из чистых, перекачивающихся под кожей мышц. Наталья прижала его к себе, чувствуя, как тяжесть змеи успокаивает её собственную внутреннюю дрожь. Цезарь обвил её предплечье, заскользил по плечу, уткнувшись прохладным носом в её шею под воротником блейзера. Наталья закрыла глаза, мерно вдыхая этот покой. Чешуя скользила по коже, оставляя легкое, едва заметное покалывание.

— Хотя ты меня понимаешь, — прошептала она, глядя пальцем его гладкую голову.

Рядом, в террариуме поменьше, зашуршал сухим мхом маисовый полоз Клеопатра — яркая, оранжево-красная лента, полная бьющей через край энергии. Но Наталья сегодня нуждалась именно в тяжелой, заземляющей энергетике Цезаря.

Она просидела в кресле со змеей больше часа. Ей не хотелось готовить ужин, не хотелось включать телевизор, где крутили одинаковые сериалы. Вся её жизнь казалась такой же панельной коробкой, как и эта квартира. Ей сорок три. Впереди — еще двадцать лет школы, если хватит здоровья, а потом копеечная пенсия и одинокие вечера. Сильная, независимая Наталья Александровна, которую боялись ученики и уважали коллеги, сейчас чувствовала себя маленькой, хрупкой и бесконечно уставшей девочкой, которой просто хотелось, чтобы её кто-

то защитил. Но защищать было некому. Бывший муж давно обзавелся новой семьей и детьми, подруги были поглощены своими заботами, а престарелые родители жили в другом городе и сами нуждались в поддержке.

Она аккуратно вернула Цезаря в его стеклянный дом. Удав нехотя соскользнул с её рук, укладываясь обратно на теплый коврик. Наталья закрыла замок террариума.

Через 30 минут на кухонном столе её уже ждала стопка тетрадей девятого «Б». Наталья вздохнула, налила себе крепкого чая без сахара и села за работу.

«Ливонская война началась в 1558 году из-за желания Ивана Грозного получить доступ к Черному морю», — прочитала она в первой же тетради и зажмурилась. Черному. Господи, они даже карту открыть не могут. Красная ручка безжалостно перечеркнула строку.

Она проверяла работы до полуночи. Глаза слезились от мелкого, неразборчивого почерка подростков. Когда последняя тетрадь была закрыта, Наталья чувствовала себя так, словно по ней проехал разгруженный состав.

Она выключила свет в кухне и подошла к окну гостиной. Город за стеклом засыпал. Редкие машины разрезали темноту двора светом фар. Дождь прекратился, но небо оставалось тяжелым, налитым свинцом, без единой звезды. Воздух казался странным — слишком плотным, наэлектризованным, несмотря на осеннюю прохладу.

Наталья открыла балконную дверь, чтобы проветрить комнату перед сном. В лицо ударил резкий, пахнувший озоном порыв ветра. Где-то далеко, на самом краю горизонта, беззвучно полыхнула зарница. Странно для конца октября. Обычно в это время уже всюю сыпал мокрый снег, а не бушевали грозы.

— Точно, мир сошел с ума, — негромко сказала она самой себе.

Она переделась в простую хлопковую пижаму, распустила волосы, которые тяжелой темной волной упали на плечи. В зеркале ванной на неё смотрела уставшая женщина с первыми тонкими морщинками вокруг глаз, но все еще красивая той строгой, классической красотой, которую не могли испортить ни годы, ни школьные будни.

Наталья выключила торшер. Комната погрузилась в темноту, нарушаемую лишь слабым, зеленоватым свечением термометров в террариумах. Она легла в постель, подтянув одеяло до самого подбородка. Сон не шел, голова продолжала прокручивать даты, лица учеников и претензии завуча.

За окном снова полыхнуло — на этот раз ближе и ярче. Воздух в квартире словно сжался, а Цезарь в своем террариуме тревожно зашуршал, устраиваясь поглубже в укрытие. Наталья повернулась на бок, закрыла глаза и заставила себя дышать ровно, надеясь, что завтрашний день принесет хоть немного выносимости в её бесконечный день сурка.

Квартира погрузилась в тревожную, звенящую ночную тишину.

Глава 2. Гроза над панельками

Часы на прикроватной тумбочке тускло светили зеленым: 02:40. Наталья Александровна перевернулась на другой бок, в который раз взбивая подушку. Сон не шёл. В груди росло странное, давящее чувство тревоги, никак не связанное с невыверенными отчётами Аллы Сергеевны или двойками девятого «Б». Это было чисто физическое ощущение, будто сам воздух в спальне стал тяжелым, густым и покалывал кожу миллионами невидимых иголок.

За окном стояла неестественная, оглушительная тишина. Исчез привычный гул далекого шоссе, не шуршали шины редких такси, даже сонные октябрьские тополя во дворе замерли, словно вырезанные из черного картона. Город будто затаил дыхание, ожидая чего-то неизбежного.

Наталья села на постели, спустив ноги на прохладный ламинат. В темноте гостиной послышался сухой, ровный стук. Это Цезарь внутри своего террариума бился головой о вентиляционную сетку. Императорский удав, обычно флегматичный и равнодушный к внешним раздражителям, сейчас вел себя безумно. Он лихорадочно скользил по стеклу, его сильное тело свивалось в тугие, нервные узлы. В соседних ящиках так же тревожно шуршали маисовые полозы. Животные чувствовали то, чего человеческие органы чувств еще не могли уловить.

— Тише, маленький, тише, — Наталья подошла к стеклу, протянув руку, но удав даже не повернулся на её голос. Его раздвоенный язык метался в воздухе с бешеной скоростью.

И в этот момент город взорвался.

Вспышка была такой силы, что на секунду комната затрещала от ядовито-белого, почти фиолетового света. Наталья невольно зажмурилась, но даже сквозь плотно сомкнутые веки увидела очертания собственной мебели, проступившие с пугающей четкостью. Она приготовилась к оглушительному удару грома, который должен был расколоть небо над панельными домами, но звука не последовало. Вообще никакого.

Это была абсолютно сухая, немая гроза.

Наталья распахнула глаза. Воздух в квартире мгновенно потеплел градусов на десять. За окном, в сыром октябрьском небе, разворачивалось безумное зрелище. Облака не плыли — они закручивались в тугую, гигантскую воронку прямо над её пятиэтажкой. Внутри этого черного вихря беззвучно ветвились фиолетовые и пронзительно-синие молнии. Они не падали на землю, а перетекали одна в другую, свиваясь в светящиеся жгуты.

Наталья сделала шаг к балконной двери. Страх не было — его вытеснило профессиональное, въевшееся в подкорку любопытство историка и исследователя. Она видела сотни гравюр с описанием аномальных природных явлений, читала хроники о «знамениях в небесах», но наблюдать такое из окна собственной хрущевки было за гранью реальности.

Ветер сорвался внезапно. Он не налетел, а словно рухнул сверху вниз, тяжелый, горячий, пахнувший не дождем и прелой листвой, а чистым озоном, паленой шерстью и медью. Так пахнет в кабинете физики, когда там сгорает мощный трансформатор.

Наталья подошла вплотную к стеклянной двери балкона. Её тонкая хлопковая пижама мгновенно облепила тело из-за статического электричества. Волосы, распущенные по плечам, начали шевелиться и приподниматься, притягиваемые к стеклу. Каждая ворсинка на ковре, казалось, встала дыбом.

— Что происходит?... — прошептала она, прижимая ладонь к стеклу. На стыке её пальцев и прозрачной поверхности проскочила крошечная, синяя искра. Наталья отдернула руку, охнув от легкого укола.

В этот миг воронка в небе над двором сузилась до размеров одного единственного луча. Беззвучные молнии собрались в один плотный, пульсирующий канат света. Наталья увидела,

как на детской площадке во дворе завертелся вихрь из старых листьев и пластиковых бутылок, но они не разлетались, а притягивались к центру, словно в невидимую черную дыру.

Электрическое напряжение в комнате стало невыносимым. Лампочка в люстре, выключенная из сети, вдруг слабо загорелась тусклым, мертвенно-желтым светом. Экран телевизора подернулся серой рябью, хотя шнур лежал на полу. Змеи в террариумах замерли, вытянувшись в струны.

Центр электрического вихря смещался. Он медленно, неотвратно плыл мимо верхушек голых тополей прямо к её дому. Точнее — к её четвертому этажу. К её балкону.

Наталья отступила на шаг назад, в глубь гостиной. Сердце наконец-то застучало в бешеном, паническом ритме. Логика взрослой, разумной женщины кричала, что нужно бежать в коридор, прятаться в ванной, где нет окон, но ноги словно налились свинцом. Она могла только смотреть.

Прямо на её узком, заставленном старыми коробками и банками балконе воздух начал сгущаться. Пространство за стеклом исказилось, пошло тяжелыми, маслянистыми волнами, как асфальт в сорокаградусную жару. Свет фонарей во дворе искривился, вытягиваясь в уродливые неоновые дуги.

Затем внутри этого марева вспыхнула крошечная золотая точка. Она росла со скоростью лавины. За долю секунды точка превратилась в ослепительную сферу чистого, первозданного огня, который не обжигал, но заставлял вибрировать сами стены дома. Наталья инстинктивно вскинула руки, закрывая лицо.

Мир вокруг сжался до одного единственного звука — протяжного, нарастающего гула, похожего на вой реактивного двигателя или рев тысячи разъяренных быков. Этот звук вибрировал в костях, выбивая из головы все мысли.

Вспышка.

Она была такой силы, что Наталья физически почувствовала ударную волну, хотя дверь все еще была закрыта. Воздух на балконе буквально вывернуло наизнанку. Белый, слепящий свет заполнил всё пространство, стирая границы между небом, двором и комнатой. Историк внутри Натальи на долю секунды успел подумать о шаровой молнии колоссальных размеров, прежде чем раздался финальный аккорд этой безумной ночи.

Звон. Это был не грохот взрыва, а чистый, хрустальный, оглушительный звон разрываемой ткани бытия.

Стеклянная балконная дверь — старая, еще советская, в деревянной раме, которую Наталья всё никак не находила времени и денег заменить на пластиковую — не просто треснула. Она разлетелась вдребезги мгновенно, рассыпавшись на миллионы мелких, острых осколков. Этот стеклянный ливень хлынул внутрь гостиной, сверкая в лучах угасающей вспышки, словно бриллиантовая крошка.

Наталья упала на колени, закрывая голову руками и сжимаясь в комок среди летящего стекла. Осколки шуршали по ламинату, вонзались в ковер, несколько штук больно чиркнули по тыльной стороне её ладоней, оставляя тонкие, зудящие царапины.

Вместе со стеклом в комнату ворвался чужой воздух. Он был ледяным, пронзительным, наполненным ароматами, которых просто не могло быть в осеннем спальном районе крупного города. Это был запах диких, нетронутых цивилизацией гор, мокрого известняка, конского пота, старого железа и густого, сладковатого дыма костров, в которых жгли сырой можжевельник. Этот запах заполнил легкие Натальи, заставив её закашляться.

Свечение за окном начало стремительно угасать, оставляя после себя плотный, сизый туман, который медленно вползал через разбитый балконный проем в её теплую, мирную гостиную. Озоновое марево таяло, оголяя контуры балкона.

Электрическое напряжение исчезло так же внезапно, как и появилось. Волосы Натальи опали на плечи, лампочка в люстре погасла, а Цезарь в террариуме тяжело, шумно выдохнул, сворачиваясь в оборонительное кольцо.

Наталья Александровна медленно, преодолевая дрожь во всем теле, подняла голову. Её ладони были испачканы в мелкой стеклянной пыли, на полу белели крупные осколки рамы. В комнате стало очень холодно — октябрьский сквозняк моментально выдул остатки домашнего тепла.

Через проем разбитой двери она видела свой балкон. Туман там постепенно рассеивался, оседая на перилах тяжелыми каплями. Навесные полки со старыми банками были сорваны, земля из перевернутого горшка с засохшей геранью ровным слоем покрывала пол.

Но главное было не это.

Там, среди земли, осколков стекла и обломков деревянной рамы, на узком пространстве стандартного балкона хрущевки, лежало нечто огромное. В темноте ночи это выглядело как бесформенная, темная груда металла и разорванной ткани, которая тяжело, с хрипом поднималась и опускалась. На мгновение Наталье показалось, что сверху упала часть какой-то строительной конструкции или кусок обшивки, но затем эта груда издала глухой, утробный человеческий стон, от которого зазвенели уцелевшие стекла в серванте.

Наталья замерла на коленях, не смея сделать ни единого вдоха. На её балконе, посреди современной ночной тишины, лежал кто-то живой. Кто-то, кто только что прибыл вместе с грозой, переписавшей законы физики в отдельно взятом квартале.

Глава 3. Медведь в доспехах

Холодный октябрьский воздух выметал из гостиной остатки домашнего уюта, заменяя его резким, пугающим запахом чужой беды. На полу балкона, среди перевернутой земли из-под герани и сотен стеклянных осколков, лежала огромная, бесформенная масса. Она тяжело, прерывисто хрипела.

Наталья Александровна сделала глубокий вдох, силой загоняя поднимающуюся панику глубоко внутрь. Двадцать один год работы в школе приучили её к одной простой истине: если паникует учитель, класс превращается в неуправляемое нечто. Сейчас «классом» была её собственная жизнь, разлетающаяся на куски, и Наталья включила режим «учителя на замене» — холодный, собранный, ориентированный только на четкие, последовательные действия.

Она осторожно перешагнула через выбитую деревянную раму, стараясь не наступать босыми ногами на крупные осколки стекла. Ламинат под ногами сменился ледяным бетоном балкона. Сизый озоновый туман почти рассеялся, и уличный фонарь, качающийся на ветру во дворе, наконец ровно осветил ночного гостя.

У Натальи перехватило дыхание. Это был мужчина. Но таких огромных, пугающе массивных мужчин она не видела никогда в жизни. Даже лежа на боку, подогнув колени, он казался огромной скалой, заполнившей собой все узкое пространство стандартного советского балкона. На нем были тяжелые, глухо звенящие при каждом вздохе металлические латы. Не бутфорский пластик, не легкий алюминий ролеви́ков-реконструкторов, которых Наталья иногда видела на исторических фестивалях. Это было настоящее, грубое, иссеченное глубокими вмятинами и царапинами железо. Кованые пластины, скрепленные толстыми кожаными ремнями, покрывали его грудь и плечи. Поверх доспеха был наброшен тяжелый, изорванный в клочья плащ темно-бордового, почти багрового цвета, густо испачканный грязью и чем-то темным, липким.

Мужчина глухо застонал. Звук шел откуда-то из глубины его мощной груди, похожий на ворчание раненого медведя. Он попытался пошевелиться, его огромная ладонь, обтянутая жесткой кожаной перчаткой с металлическими бляхами, безвольно скользнула по бетонному полу, скрежеща когтями-заклепками по стеклу.

— Тихо, тихо, не двигайтесь, — инстинктивно произнесла Наталья, приседая рядом с ним на корточки.

Её взгляд упал на левый бок великана. Багровый плащ в этом месте был насквозь пропитан свежей, идущей толчками кровью. Прямо под металлическим нагрудником, там, где кожаные ремни скрепляли пластины, зияла страшная, рваная рана. Железо вокруг неё было зазубрено, словно от удара тяжелого кованого топора или широкого меча.

«Он же сейчас истечет кровью прямо здесь, на глазах у Цезаря», — обожгла мысль.

Режим выживания включился на полную мощность. Наталья резко поднялась, вернулась в комнату и бросилась в ванную. Из шкафчика была извлечена огромная автомобильная аптечка, которую она, по настоянию отца, обновляла каждый год, хотя машины у неё никогда не было. Туда же отправились три больших махровых полотенца, бутылка хлоргексидина и старые, но острые портновские ножницы, оставшиеся от мамы.

Когда она вернулась на балкон, мужчина затих. Его тяжелая голова, увенчанная густой копной спутанных, темных, почти черных волос, была неестественно запрокинута. Лицо, покрытое слоем дорожной пыли, копоти и засохшей крови, казалось высеченным из камня. Жесткая, аккуратно подстриженная короткая борода, крупный прямой нос, густые брови. Ему было на вид не больше тридцати-тридцати трех лет, но это было лицо человека, который провёл в боях всю свою сознательную жизнь. Лицо правителя и воина.

Наталья опустила на колени прямо в грязь и осколки, не думая о своей пижаме.

— Потерпите, — прошептала она, хотя понимала, что он без сознания.

Первым делом нужно было добраться до раны. Ножницы с трудом, со страшным скрипом перерезали толстый, задубевший от влаги и крови кожаный ремень, удерживающий боковую пластину доспеха. Железный лист с глухим стуком упал на бетон. Под ним оказалась плотная кольчуга из мелких, склепанных вручную колец, а под ней — стеганный поддоспешник из грубого льна. Лен в районе ребер превратился в кровавое месиво.

Натаалья принялась аккуратно разрезать ткань. Руки дрожали, но пальцы действовали уверенно. Профессия учителя приучила её к виду крови — разбитые носы на переменах и рассеченные лбы в походах случались регулярно, но такое глубокое, страшное ранение она видела впервые. Это был след от тяжелого рубящего удара. Острый металл рассек кожу и мышцы, обнажая белесый край ребра. Кровь продолжала сочиться, окрашивая пальцы Натаалы в густой, багровый цвет.

— Господи, помоги... — шептала она, обильно поливая рану хлоргексидином. Очистив края, она развернула первый рулон стерильного бинта и начала плотно, насколько хватало сил, тампонировать рану, прижимая сверху сложенное в несколько раз махровое полотенце.

Мужчина резко вздрогнул. Его огромные, густые ресницы дрогнули, и на секунду он открыл глаза. Натаалья замерла. На неё взглянули два бездонных, почти черных омута, полных дикой, первобытной ярости и смертельной усталости. Он не видел её, он всё ещё был там, в своем сражении. Его железная рука внезапно взметнулась вверх и мертвой хваткой вцепилась в запястье Натаалы.

Она едва не вскрикнула от боли. Его пальцы, даже сквозь жесткую кожу перчатки, сдавили её руку так, словно это были гидравлические тиски. Кости хрустнули, в глазах у Натаалы потемнело. Этот человек, находясь на грани смерти, обладал колоссальной, нечеловеческой силой.

— Пусти... пусти, дурак, я помогаю! — сквозь зубы процедила она, пытаясь вырваться, но великан лишь сильнее сжал пальцы, издавая глухой, угрожающий рык.

В этот момент из темноты гостиной, плавно перетекая через порог балкона, показалась массивная голова Цезаря. Императорский удав, привлеченный запахом свежей крови и тепла, медленно скользил к ним. Его чешуя тускло поблескивала в свете фонаря. Он приподнялся, пробуя воздух языком прямо возле лица раненого мужчины.

Незнакомец увидел змею. Его взгляд на секунду сфокусировался на Цезаре. В черных глазах великана мелькнуло нечто, похожее на благоговейный трепет или узнавание. Он не испугался. Его хватка на запястье Натаалы внезапно ослабла, пальцы разжались, и рука бессильно упала на пол. Глаза воина снова закрылись, он глубоко, хрипло вздохнул и окончательно провалился в беспамятство.

Натаалья судорожно потеряла онемевшую кисть, на которой уже проступали багровые синяки. Времени на размышления не было. Октябрьский ветер становился всё холоднее, а оставлять этого раненого гиганта на бетоне под открытым небом означало подписать ему смертный приговор от переохлаждения.

— Нужно затащить его в дом, — выдохнула Натаалья, глядя на Цезаря. Удав потерял интерес к неподвижному телу и медленно пополз обратно к теплему террариуму.

Вот тут Натаалья Александровна поняла, что такое настоящий адски тяжелый физический труд. В этом мужчине было не меньше ста двадцати килограммов чистого веса, не говоря уже о тяжелых железных латах, которые она не смогла снять полностью. Она ухватила его под мышки, упиравшись ногами в бетонный выступ.

— Давай же, медведь, помогай... — прохрипела она, дергая его на себя.

Ей удалось протащить его всего на несколько сантиметров. Металл доспехов скрежетал по бетону, оставляя серые полосы. Натаалья выбилась из сил через минуту. Её миниатюрное тело, привыкшее максимум к переноске стопок школьных учебников, отказывалось подчи-

няться. Но упрямство, которое помогало ей выживать после развода и держать в узде самые неблагополучные классы, сработало и сейчас.

Она сходила в спальню, притащила старое, плотное шерстяное одеяло, которое использовалось для зимних пикников. С огромным трудом, переворачивая великана с боку на бок и едва не сорвав спину, она сумела подсунуть ткань под его массивное тело. Теперь дело пошло чуть легче. Используя одеяло как волокушу, Наталья дюйм за дюймом, сантиметр за сантиметром затыгивала раненого воина через разрушенный дверной проем в гостиную.

Когда его голова и широкие плечи наконец оказались на ковре, Наталья упала рядом на колени, тяжело и часто дыша. Её пижама была полностью испорчена: колени серые от грязи, рукава в крови, а волосы растрепались и лезли в глаза. Но мужчина был внутри.

Она закрыла проем балкона уцелевшей половиной старой портьеры, закрепив её тяжелым стулом, чтобы хоть как-то перекрыть доступ ледяному ветру. В комнате всё еще было прохладно, но уже не так критично.

Наталья вернулась к раненому. Теперь, в мягком свете торшера, она смогла рассмотреть его лучше. Доспехи были уникальными. Нагрудная пластина была украшена чеканным рельефным изображением какого-то хищного зверя — то ли льва, то ли грифона с разинутой пастью, выполненным с удивительным, архаичным мастерством. По краям пластины шел сложный геометрический орнамент. Это не было похожем ни на средневековую Европу, ни на Древнюю Русь. Как историк, Наталья начала судорожно перебирать в уме каталоги и монографии, которые читала в университете.

«Четвертый-пятый век... Ближний Восток? Византия? Сасанидский Иран?» — мысли путались от усталости.

Она аккуратно сняла с его рук тяжелые кожаные перчатки. Ладони мужчины были широкими, с жесткими, мозолистыми внутренними сторонами — явный след от многолетней работы с тяжелым оружием. На указательном пальце правой руки поблескивал массивный золотой перстень с крупным, глубоким темно-красным гранатом, на котором была вырезана клинопись или какая-то древняя письменность.

Наталья снова проверила повязку на его боку. Кровь больше не шла толчками, полотенце намочило, но бинты удерживали рану. Она осторожно обмыла его лицо чистой водой, смывая дорожную копоть. Под слоем грязи обнаружилась смуглая, красивая кожа, тронутая южным загаром. Шрам на левой скуле, тонкий и старый, лишь подчеркивал мужественные, резкие черты лица.

Он был невероятно огромен. Его плечи занимали почти половину ширины её небольшого дивана, возле которого она уложила его на полу. Рядом с этим великаном Наталья, со своими сорока пятью килограммами веса и невысоким ростом, чувствовала себя хрупкой статуэткой.

Она укрыла его вторым теплым пледом до самого подбородка, оставив свободной только голову. Мужчина дышал ровнее, хотя его лоб оставался горячим — начиналась лихорадка.

Наталья села в кресло напротив, поджав под себя ноги. Руки всё еще слегка подрагивали, а в голове царил абсолютный, звенящий вакуум. Она, учитель истории высшей категории, Наталья Александровна, сидела в своей квартире в спальном районе, а у её ног лежал настоящий, живой кусок этой самой истории. Мужчина, пришедший из сухой озоновой грозы, пахнувший битвами и древними горами.

Она взглянула на часы. Около четырех утра. Через три часа ей нужно было вставать, надевать строгий блейзер и идти рассказывать девятому «Б» про Ям-Запольское перемирие. Но Наталья понимала, что прежняя, серая и выгоревшая жизнь осталась там, за чертой этой ночи. Дороги назад больше не было. Мир вокруг неё безвозвратно изменился, и этот раненый медведь в железных латах был тому главным доказательством.

Глава 4. Трудности перевода

Предрассветные сумерки окрасили гостиную в холодные, синеватые тона. Из разбитого оконного проема, едва прикрытого тяжелой портьерой, тянуло сыростью и утренним туманом. Наталья Александровна так и не сомкнула глаз. Она сидела в кресле, укутавшись в старый махровый халат, и неотрывно наблюдала за огромным неподвижным телом, лежащим у её ног. Мысли, тяжелые и неповоротливые, лениво крутились в голове, сменяя друг друга: от «меня уволят из школы, если я не приду на первый урок» до «как объяснить участковому происхождение мужчины в византийском доспехе».

Около пяти утра тишину квартиры нарушил прерывистый, глубокий вздох. Вереница мыслей в голове Натальи мгновенно оборвалась. Она подалась вперед, вглядываясь в полумрак.

Огромное тело под пледом зашевелилось. Металл доспехов, скрытый под шерстяной тканью, глухо и предупреждающе звякнул. Мужчина тяжело повернул голову, его черные густые брови мучительно сдвинулись к переносице. На смуглом лбу выступили крупные капли пота — лихорадка, вызванная ранением, наконец набрала силу. Его губы, сухие и потрескавшиеся, зашевелились, выпуская наружу хриплый, едва различимый шепот.

Наталья Александровна тихо опустилась из кресла на колени рядом с ним, стараясь не шуметь.

— Эй... вы меня слышите? — негромко позвала она, коснувшись его здорового плеча. Ткань поддоспешника под её пальцами казалась ледяной, несмотря на плед.

Мужчина резко, судорожно вдохнул воздух, словно только что вынырнул из глубокой, темной воды. Его глаза распахнулись. В полумраке комнаты два угольно-черных омута расширились от дикого, первобытного страха и дезориентации. В этих глазах не было разума человека — только ярость раненого зверя, очнувшегося в чужой клетке.

Он не увидел Наталью. Его взгляд, блуждающий и лихорадочный, метнулся вверх и замер, намертво приковавшись к потолку. Прямо над ним висела старая советская люстра из чешского хрусталя — три ражковых плафона с гранеными подвесками, в которых сейчас преломлялся тусклый свет уличного фонаря.

Великан оцепенел. В его воспаленном бреду сверкающий хрусталь показался чем-то зловещим и неземным. Из его груди вырвался глухой, испуганный горловой звук.

— Айг... Бакан ачк... — хрипло, спотыкаясь на каждом слоге, заговорил он. Голос его, даже сорванный лихорадкой, обладал глубоким, вибрирующим басом. — Ов э са... Сиракан дев...

Наталья вздрогнула. Язык, на котором он говорил, не был похож ни на один из современных европейских языков. В нем слышались тяжелые, твердые согласные, гортанные звуки и странная, непривычная уху ритмика. Но что-то в этой безумной речи показалась ей смутно, до боли знакомым. В подкорке её исторического образования, глубоко под слоями школьных методичек и планов уроков, шевельнулось воспоминание двадцатилетней давности. Университет, спецкурс по палеолингвистике и древней письменности Востока...

Мужчина между тем начал паниковать. Он попытался приподняться на локтях, но раненый бок тут же отозвался вспышкой дикой боли. Великан глухо взвыл, его лицо исказилось судорогой, и он снова рухнул на ковер. Однако страх перед «магическим артефактом» на потолке был сильнее боли. Он выбросил вперед свою огромную, покрытую шрамами правую руку, указывая пальцем с массивным перстнем прямо на хрустальную люстру.

— Корцанир зса! — яростно закричал он, и в его голосе звенящими нотами проступил привычный приказной тон правителя. — Ур э зенкс? Кахárd... Кез тог аницкн...

Наталья Александровна замерла, боясь пошевелиться. В её голове, словно шестеренки старинных часов, начали со скрипом проворачиваться лингвистические пласты. «Кез... аницкн... Зенкс...» Зенк — это оружие. Кахард — это... ведьма? Маг? Колдун!

«Боже мой», — у Натальи поползли мурашки по спине. Это был не просто иностранный язык. Этот гортанный, весомый, будто высеченный из горного базальта слог... Это был грабяр. Древнеармянский язык. Язык золотого века армянской литературы, хроник Мовсеса Хоренаци и Фавстоса Бузанда. Язык, который считался мертвым уже больше тысячи лет и на котором сегодня читали только редкие ученые-монахи в Матенадаране и профессора древней истории.

Но этот человек не читал его по бумажке. Он им дышал. Он на нем бредил.

Великан резко повернул голову, и его лихорадочный взгляд наконец-то сфокусировался на Наталье. В полумраке гостиной её силуэт с распущенными темными волосами, в длинном белом халате, сидевшей на коленях среди осколков, выглядел для него пугающе. В его глазах отразился ужас человека, столкнувшегося с потусторонним.

— Кахárд... — прошептал он, и в его голосе ярость смешалась с обреченностью воина, попавшего в плен к нечистой силе. — Ду кахárд эс... Вортéг эм ес? Са джóхк э?

— Тихо, тихо, успокойся, — Наталья протянула руки ладонями вперед, показывая, что в них ничего нет. Она судорожно пыталась вспомнить хотя бы несколько фраз из университетских лекций. Мозг выдавал латынь, старославянский, обрывки английского, но нужные корни словно испарились от страха. — Я не ведьма. Не кахард. Я... бжишк. Врач. Помогаю. Огнел. Я помогаю тебе!

Услышав знакомый корень, мужчина на секунду замер. Его тяжелое дыхание со свистом вырывалось из груди. Он пристально всматривался в её лицо, пытаясь понять, говорит ли эта странная бледнолицая женщина правду.

— Огнёл?.. — переспросил он, словно пробуя слово на вкус. — Ду... чес спанёл?

— Не убью. Чес спанел, да! — закивала Наталья, чувствуя, как по спине катится холодный пот. — Ты ранен. Твоя рана... верк. Я завязала её. Капел. Смотри.

Она аккуратно указала пальцем на его бок, где сквозь шерстяной плед проступал чистый край махрового полотенца, сдерживающий кровотечение. Мужчина медленно перевел взгляд на свое тело, затем снова на Наталью. Дикая ярость в его глазах уступила место глубокому, экзистенциальному недоумению. Он огляделся по сторонам, и теперь его внимание привлекли террариумы.

В тусклом зеленоватом свете ламп Цезарь, императорский удав, медленно двигался вдоль переднего стекла, плавно покачивая массивной головой. Великан при виде змеи снова вздрогнул, но на этот раз на его лице отразился не страх, а священный трепет.

— Вишáп... — благоговейно прошептал он, и его огромная рука невольно коснулась чеканного грифона на грудной пластине. — Сурб вишап... Ду тируйн эс?

Наталья не знала слова «тируин», но корень «тер» означал господина или хозяина. «Тируин» — должно быть, хозяйка или повелительница. Она поняла, что в его глазах присутствие гигантской змеи в комнате окончательно закрепило за ней статус какого-то высшего существа или жрицы. Оспаривать это сейчас было бы глупо и опасно для жизни.

— Да. Это мой дом. Мой тун. Ты в безопасности, — Наталья говорила медленно, четко выговаривая каждый слог, стараясь подражать той жесткой, гортанной фонетике, которую помнила. — Как твое имя? Анýн?.. Как тебя зовут?

Мужчина долго молчал, глядя в её глаза так, словно пытался прочесть её мысли. Его дыхание постепенно выравнивалось, хотя лихорадочный румянец всё еще горел на его скулах. Наконец, он тяжело сглотнул и произнес, выпятив массивную челюсть с гордостью, которую не смог сломить даже портал времени:

— Ес... Васáк. Князь Васáк из рода Сюни. Гардмáн э им тун.

У Натальи Александровны перехватило дыхание, а по венам словно пустили ледяную воду. Васак. Князь Гардмана. IV век. Эпоха великого раскола Армении между Византией и Сасанидским Ираном. Время, когда ковались и гибли целые династии, а кровь лилась реками на горных перевалах. Она знала эту эпоху как свои пять пальцев. Она писала по ней дипломную работу, прежде чем завязнуть в трясине школьных будней.

Перед ней на полу обычной панельной квартиры лежал не просто человек. Перед ней лежал живой, дышащий правитель древней кавказской земли, чье имя было высечено на полустертых каменных стелах и зафиксировано в пергаментях историков древности.

— Васак... — тихо, с невольным трепетом повторила она его имя.

Князь Васак закрыл глаза. Силы стремительно покидали его мощное тело. Лихорадка снова брала свое, утягивая его обратно в темный, полный кошмаров бред. Его рука, поднятая до этого в защитном жесте, бессильно упала на ковер, задев несколько мелких осколков разбитого стекла.

Наталья Александровна осталась сидеть на полу, слушая его тяжелое, прерывистое дыхание. За окном окончательно рассвело. Серый октябрьский день вступал в свои права, освещая разгром в комнате: разбитую дверь, грязь, бинты и спящего древнего великана.

Наталья поднялась на ноги, чувствуя странную, звенящую легкость во всем теле. Выгорание, мучившее её последние годы, исчезло, растворилось без следа в озоновом тумане этой ночи. Ей сорок три года, её жизнь казалась конченной, но прямо сейчас в её гостиной спала сама История, и Наталья поняла, что сделает всё возможное, чтобы эта история продолжала жить.

Глава 5. Синдром выжившего

Утренний свет, пробивавшийся сквозь щели между тяжелой портьерой и стеной, безжалостно обнажил весь масштаб катастрофы в гостиной. Повсюду блестели мелкие фракции хрусталя и советского оконного стекла, на затоптанном ковре у дивана сиротливо лежала порванная аптечка.

Наталья Александровна, наскоро выпив третью чашку ледяного кофе, сидела на стуле у импровизированной баррикады из балконной двери. Школьный чат на экране смартфона разрывался от сообщений: завуч напоминала про бланки патриотического воспитания, родительский комитет спорил о выпускных альбомах. Наталья перевела телефон в авиарежим. Прямо сейчас у неё дома разворачивался такой урок патриотизма и истории, какой министерству и не снился.

Князь Васак очнулся внезапно. Не было ни стонов, ни медленного перехода от забытья к реальности. Его огромное тело под пледом резко напряглось, мышцы на шее и челюсти вздулись, а черные глаза распахнулись, мгновенно очистившись от лихорадочного тумана. Рассвет подарил ему ясность ума — и вместе с ней вернулась страшная, уничтожающая реальность.

Он вспомнил всё.

— Предатели... — хриплый, утробный рык воина заставил завибрировать уцелевшие чайные чашки в серванте.

Васак резко сел. Повязка из полотенец на его боку тут же окрасилась свежим багрянцем, но он словно не почувствовал боли. Его лицо, теперь хорошо видимое при дневном свете, исказилось от безумной, лютой судороги. Это была не просто злость раненого человека. Это была агония полководца, который помнил последние секунды своего боя: свист сасанидских стрел, крики верных гвардейцев и тыловой удар со стороны тех, кого он считал своими братьями по оружию. Сюнийские стяги, падающие в горную грязь. Шах Шапух, смеющийся на своем золоченом троне.

— Ов э са... Чи карели! (Этого не может быть!) — закричал он, срывая с себя плед. — Им зоркс... им ашхърх... (Мое войско... моя земля...)

Он осознал, что битва окончена, поле боя исчезло, но сам он — живой. Для князя IV века выжить в проигранной из-за предательства битве, очнувшись в странном, белом чертоге без меча в руках, было худшим позором.

Васак рванулся на ноги. Из-за резкого движения рана в боку отозвалась вспышкой, его повело в сторону, и он навалился на книжный шкаф. Старые тома Большой советской энциклопедии жалобно затрещали. Наталья вскочила со стула.

— Стой! Тебе нельзя вставать! Ми кангнёр! — крикнула она, пытаясь использовать обрывки архаичных корней.

Но древний великан её не слышал. Он задыхался от позора и ярости. Ему нужно было обратно. К своим людям, к своей крепости Гардман, к врагам, которых он должен был забрать с собой в подземное царство Бакан. Его взгляд метался по комнате в поисках выхода. Дверь в прихожую показалась ему слишком узкой и подозрительной, а огромный проем, завешенный портьерой, из-за которого доносились странные, пугающие звуки чужого мира, манил его.

Васак сделал три широких, тяжелых шага, скрежеща остатками железных поножей по ламинату. Одной рукой он рванул плотную ткань портьеры вниз. Металлический карниз с грохотом вырвался из бетонной стены, подняв тучу пыли.

Перед взором князя открылся современный город.

Октябрьский день был в самом разгаре. Прямо под окнами Натальи, по четырехполосному проспекту, с ревом и металлическим скрежетом неслись сотни разноцветных железных коробок — автобусы, фуры, легковые машины. На противоположной стороне улицы высились

гигантские, уродливые с его точки зрения двадцатипятиэтажные дома-коробки из стекла и бетона, уходящие крышами в хмурое небо. Из репродуктора на остановке доносилась громкая, механическая реклама, а по тротуарам, не обращая внимания на грохот, цепочками шли люди в странных, безликих одеждах.

Васак замер. Его медвежья фигура окаменела на пороге балкона. Этот мир ревел, пах паленым бензином и асфальтом, в нем не было ни гор, ни лесов, ни привычного солнца. Для него это был филиал преисподней.

— Джóхк... — прошептал он, и в его голосе впервые проступил ужас. Но вместо того, чтобы отступить, его сознание выдало единственно верное решение для воина: если ты в аду, нужно прорываться с боем или умереть как мужчина.

Он перешагнул через деревянный обрубок рамы и подошел к перилам балкона. Четвертый этаж. Высота около двенадцати метров. В его родных горах Сюника он прыгал и с больших круч, спасаясь от погони. Васак уперся огромными ладонями в металлические перила, готовясь перемахнуть через них прямо вниз, на серый асфальт, навстречу мчащимся железным чудовищам.

— А ну стоять! — голос Натальи Александровны разрезал утренний воздух подобно пушечному выстрелу.

Это не был крик испуганной женщины. Это был тот самый, выверенный годами, леденящий кровь ультразвук, которым она останавливала драки между одиннадцатиклассниками или ставила на место обнаглевших проверяющих из облоно. Сила педагогического авторитета, помноженная на абсолютную уверенность в своей правоте.

Васак инстинктивно вздрогнул и замер, одна его нога уже была занесена над перилами. Он медленно повернул голову.

Наталья стояла в проеме балкона. Её маленькая фигура в потрепанном халате сейчас казалась монументальной. Она не отступила ни на шаг, её глаза за стеклами очков горели строгим, непреклонным огнем, а указательный палец правой руки жестко указывал на пол у её ног.

— Назад. Шаг. Назад. Живо! — чеканила она каждое слово, подкрепляя их жесткой интонацией древних приказов. — Хёт ари! Ты погибнешь там! Там нет твоих врагов! Чека! Назад, я сказала!

Князь Васак, привыкший, что перед ним трепещут вассалы, а женщины его времени лишь покорно опускают глаза, был абсолютно деморализован. Эта крошечная, хрупкая хозяйка змей, в чьем доме обитал священный вишاپ, смотрела на него так, будто он был нашкодившим мальчишкой, а не правителем Гардмана. В её голосе была сила, которой невозможно было противостоять физически — сила высшего порядка, закона и порядка её странного мира.

Она сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. Васак, ошеломленный её напором, невольно перенес вес тела обратно на балкон.

— Ты ранен, — уже мягче, но всё еще твердо сказала Наталья, подходя ближе и бесстрашно кладя свою маленькую ладонь на его здоровое железное плечо. Её пальцы почувствовали, как крупно дрожат его мышцы от перенапряжения и шока. — Если ты прыгнешь, ты не вернешь свое войско. Ты просто умрешь в грязи. Смотри на меня. Найи́р индз. Ты должен жить.

Васак медленно опустил ногу. Он смотрел на неё сверху вниз, тяжело дыша, и в его черных глазах безумная ярость уступала место горькому, давящему бессилию. Синдром выжившего ломал его изнутри — его воины погибли, его земля растоптана, а он стоит на четвертом этаже чужого, страшного будущего под надзором строгой женщины с темными волосами.

Его плечи, широкие и могучие, вдруг резко опустились. Великан словно стал меньше, хотя всё еще возвышался над Натальей как скала. Из его груди вырвался тяжелый, сокрушительный вздох.

— Им зоркс... — тихо, с невыразимой тоской повторил он, опустив голову.

— Я знаю, — Наталья аккуратно потянула его за руку назад, в тепло гостиной. — Я знаю. Но сейчас ты здесь. И ты будешь жить, князь Васак.

Он послушно, как побитый медведь, позволил увести себя с балкона. Наталья усадила его на край дивана. Древний воин сидел, уперев локти в колени и спрятав лицо в свои огромные ладони. Ламинат под его ногами был усыпан хрустальной крошкой, а за окном продолжал шуметь двадцать первый век, до которого великану из IV века еще только предстояло дорасти.

Глава 6. Проверка на подлинность

Когда первый шок от неудавшегося прыжка утих, в гостиной воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Князь Васак сидел на краю низкого дивана, низко опустив голову. Его огромные ладони, лишенные перчаток, бессильно лежали на коленях. Весь его облик сейчас выражал глубокую, монументальную прострацию. Рев за окном больше не вызывал у него ярости — он просто раздавил его своей чуждой, механической природой.

Наталя Александровна стояла в паре шагов, переводя дыхание. Сердце всё еще кололось в горле после её педагогического окрика. Убедившись, что «дикарское величество» больше не собирается штурмовать перила, она сделала глубокий вдох и заставила себя включить холодный, беспристрастный разум исследователя.

«Так, Наташа, спокойно, — приказала она себе. — Ты учитель высшей категории. Ты историк. Хватит эмоций. Давай факты».

Её взгляд упал на окровавленные куски доспехов, которые она срезала с него ночью и которые теперь сиротливо лежали на полу у балкона. Внутри Натали проснулся профессиональный азарт археолога, который дремал последние пятнадцать лет под ворохом школьных планов и отчетов. До сих пор её сознание судорожно пыталось цепляться за рациональные объяснения: сумасшедший ролевик, сбежавший из дурдома актер, изощренный розыгрыш бывшего мужа или коллег. Но внутренний ученый требовал настоящей, жесткой экспертизы.

Она осторожно подошла к куче металла и опустилась на колени. Васак даже не поднял головы, погруженный в свою свинцовую тоску.

Наталя взяла в руки боковую пластину, которую срезала первой. Пластина оказалась невероятно тяжелой — тяжелее, чем должен быть любой современный муляж. Это было кованое железо. Наталя провела пальцами по изрубленному, зазубренному краю. Срез от удара вражеского оружия был свежим, металл на стыке еще не успел покрыться ржавчиной, но на нем отчетливо виднелись следы ручнойковки — неравномерная толщина, крошечные каверны от окарины, характерные для примитивных плавильных печей поздней античности. Никакого проката, никакой лазерной резки.

Она перевернула кусок нагрудника с рельефным изображением грифона. Пальцы наткнулись на изнаночную сторону. Там, скрытые от глаз, виднелись остатки креплений для подклада. И это были не современные заклепки или болты. Пластины соединялись тонкими медными штифтами, расклепанными вручную с помощью тяжелого молотка. Заклепки были неровными, слегка сплюснутыми вбок — именно так, как это делали мастера-оружейники в IV–V веках нашей эры.

Наталя поднесла металл ближе к лицу и вдохнула его запах. Специфический, въевшийся аромат старого оружейного масла на основе бараньего жира, смешанный с запахом пота, гари и запекшейся крови. Современные реконструкторы используют машинное масло или спреи против ржавчины. Этот запах был первобытным. Так пахла война полторы тысячи лет назад.

Её руки задрожали сильнее. Она отложила пластину и подняла изорванный багровый плащ. Ткань. В наше время даже самые дорогие костюмы для кино делают с добавлением синтетики, чтобы они держали форму под софитами. Наталя поднесла край ткани к глазам. Это была грубая, плотная шерсть ручного ткачества. Нити были разной толщины, с узелками и остатками растительного мусора — колючек репейника, застрявших в ворсе. Окрашена ткань была явно натуральным красителем, скорее всего, кошенилью — знаменитым армянским «вордан кармир», который давал этот глубокий, благородный пурпурно-багровый цвет, не тускнеющий веками.

— Это невозможно... — прошептала она, чувствуя, как реальность окончательно уплывает у неё из-под ног.

Она поднялась и медленно подошла к Васаку. Тот не шевелился. Наталья Александровна аккуратно, стараясь не испугать раненого гиганта, опустилась перед ним на корточки.

— Васак... Позволь мне посмотреть, — тихо сказала она.

Он медленно убрал ладони от лица. Его черные глаза посмотрели на неё с глухим, покорным равнодушием. Ему было всё равно. Наталья протянула руку и осторожно коснулась краев его разорванного льняного поддоспешника. Ткань на груди была пропитана кровью, но повязка, сделанная ночью, остановила основной поток.

Наталья начала осматривать его шрамы, которые теперь, при ярком дневном свете, проступили на его смуглом теле во всей своей ужасающей подлинности. Это была настоящая анатомическая карта кавказских войн IV века. На правом плече белел широкий, сморщенный след от сквозного ранения стрелой — наконечник явно вырывали с мясом, оставив рваные края. На левой ключице виднелась глубокая борозда от скользящего удара тяжелого меча, которая заживала долго и неправильно, слегка деформировав кость. На ребрах — следы от ожогов кипящей смолой или маслом, характерные для штурма крепостных стен.

Ни один пластический гример в мире, даже с миллионным бюджетом Голливуда, не смог бы воссоздать такую текстуру кожи. Эти шрамы жили вместе с ним, они росли вместе с его мышцами, они были частью его грозного тела. Современный человек просто не выжил бы после такого количества ранений, но этот мужчина, выросший в суровых горах и воспитанный как безжалостная машина для убийства, обладал колоссальным запасом генетической прочности.

Наталья перевела взгляд на его правую руку. Тот самый массивный золотой перстень на указательном пальце. Она аккуратно взяла его за запястье. Пульс под её пальцами бился ровно, тяжело и мощно, как удары кузнечного молота.

Она наклонилась ближе к перстню. Крупный темно-красный гранат в тяжелой золотой оправе. На самом камне была вырезана инталия — углубленное изображение. Наталья прищурилась, поправляя очки. На гранате был вырезан профиль мужчины с длинными кудрявыми волосами и острой бородой, в характерной сунийской тиаре, а вокруг профиля шла тончайшая, едва заметная глазу надпись на грабаре. Наталья смогла разобрать три буквы: «Ц U Ч» (В-С-К). Васак.

Это была личная именная печать правителя. Такой печатью скрепляли международные договоры с Византией, приказы о казни и грамоты на владение землями.

В голове у Натальи Александровны словно что-то со щелчком переключилось. Все кусочки мозаики встали на свои места с математической точностью. Логика, которая всю жизнь защищала её от глупостей, теперь выдала единственный оставшийся верный вариант, каким бы безумным он ни казался.

У неё было два пути. Первый — признать, что у неё случился острый шизофренический психоз на фоне профессионального выгорания, и прямо сейчас вызвать себе психиатрическую бригаду. Но шизофрения не оставляет на полу килограммы кованого железа IV века со специфическим запахом древней кошенили. Она не оставляет настоящую кровь и золотые перстни, которые можно потрогать пальцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.